

БЕЗ ПОДПИСИ

Тимофей Седов

Без подписи

«Автор»
2026

Седов Т.

Без подписи / Т. Седов — «Автор», 2026

На старой видеокассете Иван узнаёт свою жену. Только зовут её иначе. Она смеётся рядом с мужчиной, о котором за десять лет брака не сказала ни слова.Вера всегда просила не публиковать её фотографии. Иван решает сделать исключение — и наутро жена исчезает. Дома остаются телефон и записка: она уехала сама. Искать её через людей с записи нельзя.Поиски приводят Ивана к истории швейной мастерской, где четырнадцать лет назад погибла девушка. По документам она уехала за два дня до пожара. Рядом с её фамилией стоит подпись Веры.Пока дочь ждёт возвращения мамы, Иван собирает прошлое жены по чужим рассказам. Кто-то предлагает помощь, кто-то требует вернуть кассеты. Свидетели отказываются от своих слов. А каждый найденный адрес приближает к Вере не только мужа.

© Седов Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужая дата 5
Глава 2. Семейное кино 8
Глава 3. Второй экземпляр 14
Глава 4. До четверга 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Без подписи

Глава 1. Чужая дата

Мужчина принёс бумагу в пакете из-под хлеба и попросил не записывать его фамилию.

Обычно это выяснялось позже. Сначала люди объясняли, какое огромное значение для города имеют вещи их покойных родственников, потом спрашивали, будет ли написано, кто их передал. За двадцать три года Галина Серебрякова приняла четыре практически одинаковые коллекции почётных грамот, театральный бинокль без одного стекла и немецкую каску, которая при ближайшем рассмотрении оказалась пожарной. Надпись требовалась всем. Этот же посетитель, едва войдя, потребовал обратного, и Галина убрала руку с журнала.

Он стоял у стола в застёгнутой до горла куртке. Сентябрь в этом году был тёплый, солнце всё ещё доставало до нижних полок, а в архиве за день нагрелось так, что Галина пожалела об убранном вентиляторе. Под седыми висками мужчины выступил пот. Снять куртку или сесть он не собирался: пакет держал двумя руками, зажав его край большим пальцем с неровным, расколотым ногтем.

— Напишите, что нашли при разборе, — предложил он.

Галина могла бы ответить, что у них всё находят при разборе. Ещё лучше — сообщить, что приём окончен, хотя никакого установленного приёма здесь не было. В пять приезжал курьер, а двадцать две кассеты, которые в понедельник должны были оказаться в Реченске, до сих пор лежали в двух коробках без окончательной описи. У одной отваливалось дно. У другой дно было прекрасное, зато не сохранилось ни одной пометки, и Галина весь день удерживалась от желания поменять содержимое местами. Сначала описать, потом перекладывать. Она заставляла себя соблюдать этот порядок даже тогда, когда больше никто не видел.

Теперь она тоже не согласилась записать удобную выдумку, но спорить через стол не стала. Показала мужчине свободный стул и подождала, пока тот отпустит пакет.

Копию сложили вчетверо. На пересечении сгибов образовалась маленькая дырка; серая полоса вдоль края напоминала о старых аппаратах, у которых картридж трясли до тех пор, пока он не начинал пачкать руки. «Ведомость выбытия проживающих». Ниже — «Производственно-учебная мастерская “Берег”». Оттуда же сегодня утром привезли коробки.

Галина подняла голову, и мужчина торопливо пояснил, что узнал про разбор старого корпуса. Когда-то он был там на хозяйстве. Слова «на хозяйстве» помогли больше, чем лицо: она вспомнила человека, которого звали, когда в самый неподходящий момент требовалось найти удлинитель, привезти столы или открыть дверь, ключ от которой исчез вместе с ответственной сотрудницей. Миша. Остальные к тому времени уже стояли перед камерой, а он ещё нёс стулья.

— Туманов?

Он наконец сел.

За прошедшие годы лицо у него заметно опустилось, под глазами появились тяжёлые мешки. Галина и сама едва ли выглядела так, как на фотографиях с тех мероприятий, но почему-то всегда ждала, что другие сохранятся лучше. Она вспомнила, как он ездил автобусом за костюмами, и сказала об этом. Михаил Викторович поправил: на «газели». Потом расстегнул куртку. На рубашке белела недавно пришитая пуговица, отличавшаяся от остальных и цветом, и размером.

Она не знала, зачем он пришёл, но уже успела обрадоваться, что узнала его. С человеком, которого помнишь работающим, легче иметь дело: хочется предположить, что и сейчас он принёс что-нибудь полезное, нуждается в понятной помощи и скоро уйдёт удовлетворённый.

На листе было восемь фамилий. Против каждой — дата и одинаковое основание: «По собственному желанию». Внизу Туманов расписался за подтверждение сведений. Галина

попросила его написать на отдельном листе, когда и от кого он получил копию. Он опять сослался на свою первую просьбу. Бумага четырнадцать лет хранилась у него дома; ни справки, ни расписки ему не требовалось, только чтобы её не выбросили вместе с ненужным.

— Вы же выбираете, что годится, — сказал он и посмотрел на кассеты.

Для юбилейного фильма действительно попросили найти «живое, светлое, про людей». В сопроводительном письме эти слова были подчёркнуты. Ниже тем же уверенным почерком добавили: «Без затянутых выступлений». Второе требование Галина вполне одобряла. С первым пока получалось хуже: в старых цифровых подборках, которые она уже просмотрела, люди преимущественно выступали или резали ленты. Однажды долго искали ножницы, и это был самый живой эпизод из всего просмотренного.

Она объяснила Туманову, что не собирается уничтожать то, что не попадёт в фильм. Отбирать кадры будет вообще другой человек. Бумаги останутся здесь вместе с остальными поступлениями, но происхождение его листа нужно указать правильно. Он принёс его из дома. Она ничего не находила.

Туманов слушал, глядя на свою подпись. Когда она спросила о ней, ответил охотно, словно наконец дошли до вещи, которую он умел объяснить. Сказали: все получили расчёт, надо только подтвердить вывоз вещей. Вещи он действительно помогал выносить; денег никому не выдавал, списков не составлял. Галина ещё раз прочитала название ведомости. Здесь подтверждался отъезд людей, а не движение имущества.

— Я вижу, что здесь, — сказал он громко и сразу оглянулся на дверь.

За стеной занималась последняя музыкальная группа. Преподавательница брала один и тот же аккорд, пока дети не переставали разговаривать. Сегодня потребовалось четыре раза. Галина подумала, что сама уже третий раз спрашивает мужчину об одном и том же. Получить удобный ответ у неё не выходило, а что делать с неудобным, она пока не знала. Она не была следователем. Даже обещание сохранить лист дала прежде, чем поняла, почему его столько лет не приносили.

Она предложила воды и отошла к чайнику. Это позволило им обоим некоторое время не смотреть друг на друга. Когда Галина вернулась, Туманов уже надел очки с перемотанной изолентой дужкой и придерживал указательным пальцем одну строку.

— Вот эта не уехала.

Кускова Лидия Андреевна. Пятнадцатое ноября 2011 года. Рядом подпись, похожая на раскрытую булавку. Галина сперва приняла эту колонку за собственноручные расписки, но сверху мелко значилось: «Ответственный за оформление». Внизу удалось прочесть фамилию — В. Мальцева.

Туманов сказал, что списки вела девочка Василиса. Как она подписывала именно этот лист, он не видел. Галина кивнула: значит, о подписи они пока ничего не знают. Он сердито отодвинул бумагу, и она поняла, что опять заставляет его говорить о другом. Его палец так и оставался возле Кусковой.

— Семнадцатого Лида ещё была там. Утром сама ко мне подошла. Просила отвезти к станции.

Семнадцатое ноября. Галина помнила эту дату по газетным вырезкам о пожаре, которые утром вынула из одной коробки. Тогда об этом несколько дней говорили во всём городе. Позже, как со многими местными несчастьями, осталось одно общее воспоминание: что-то случилось в общежитии, кого-то не успели вывести. Теперь перед ней лежала фамилия, и прежняя неопределённость стала неприятна. Можно было бы посмотреть вырезки ещё раз. Проверить возраст. Узнать, было ли там лицо этой девушки. Галина удержалась: Туманов впервые рассказывал о том, что видел сам, и отрывать его от этого не хотелось.

Он не отвёз Лиду. Утром ездил по поручениям в город и обещал вернуться после обеда. Галина предположила, что девушка могла добраться до станции без него. В городе имелись и

другие машины; до станции ходил автобус. Она почти обрадовалась этой простой возможности. В копии могла быть неправильная дата, но ошибка в бумаге ещё не означала того, что уже начинало ей мерещиться.

— Не могла, — сказал Туманов.

Он взял стакан обеими руками. Вода была холодная, давно кипячёная; держал он её так, будто хотел согреться. Возвращение с поручений оказалось для него куда труднее утреннего разговора. Он рассказал о звонке с проходной: на втором этаже открыта комната, там лежат материалы, нужно закрыть. Голос был женский. Чей именно, он не помнил.

Ключи у него были от всех помещений. Тут никакой неясности не возникло. Он даже начал объяснять, как открывался замок: нужно чуть приподнять ручку, иначе язычок цеплял коробку. Дверь после дождя разбухала, и, чтобы притянуть её, приходилось нажимать плечом. Туманов показал движение, знакомое его телу и четырнадцать лет спустя. Галина смотрела, как он поворачивает плечо, и ждала, когда в этом обстоятельном рассказе о двери появится комната за ней.

— Внутри кто-нибудь был?

— Тихо было.

— Вы заглянули?

Туманов поставил стакан на стол, прямо поверх пустого листа. Бумага начала темнеть под мокрым дном. Он видел это, но не убирал руку.

— Не посмотрел.

Галина перестала различать мелодию за стеной. Дети продолжали играть с остановками, преподавательница что-то объясняла, а она всё ждала от сидящего напротив человека одной недостающей подробности. Ещё можно было представить, что он прикрыл дверь и оставил ключ в замке. Так делали постоянно: замки в старых зданиях требовались главным образом для тех, кто приходил после закрытия.

— А ключ где остался?

Он посмотрел на свою ладонь.

— У меня.

Галина подтянула к себе чистый лист и вместо сегодняшнего числа написала семнадцатое ноября. Пришлось взять новый. Раздражение от этой мелкой ошибки оказалось почти облегчением: вот было действие, которое она могла исправить немедленно, без чужой помощи.

Курьер ещё не приехал. Даже если он позвонит, сейчас придётся подождать внизу. Она сказала Туманову, что рассказать это нужно не только ей, и спросила, подпишет ли он свои слова. Он согласился без спора. Не стал просить убрать фамилию, не потянулся за хлебным пакетом. Только посмотрел на часы, как будто до сих пор рассчитывал закончить разговор до пяти.

Галина включила лампу и записала его имя полностью. Начинать следовало с утра семнадцатого ноября, с просьбы отвезти девушку к станции. Потом отдельно — всё, что он помнил о звонке. Слова и догадки нельзя было смешивать, даже если теперь она сама очень хотела, чтобы некоторые слова означали что-нибудь другое.

Копию Галина положила рядом. На ней Лидия Кускова покинула мастерскую по собственному желанию за два дня до того, как Михаил Туманов запер дверь и унёс ключ.

Глава 2. Семейное кино

В понедельник Маша попросила папу состарить её на тридцать лет.

Иван стоял у плиты с деревянной лопаткой, пытаясь спасти второй омлет. Первый получился приличным и уже лежал на дочериной тарелке; во втором он забыл про масло и теперь отделял от сковородки части, которые ещё можно было съесть. Просьба Маши позволяла отложить это занятие с достоинством. Он убавил огонь и взял её телефон.

На фотографии с линейки дочь стояла в белой блузке, с двумя неравными хвостами и лицом человека, которого заставили порадоваться ещё раз. Теперь это лицо предстояло состарить для школьного театра. Ещё вчера Маша собиралась включать свет, но выяснилось, что включать его хотят все, а играть старуху никто не согласен. Старухе между тем полагалась шуба, отдельный выход и собственный стул. Ивану нравилось, что дочь умеет пересматривать намерения, хотя он сам с утра очень рассчитывал на спектакль, для которого от него не потребуется ничего, кроме присутствия в зале.

— Только чтобы похоже на меня, — сказала Маша. — Старую.

— К твоим сорока папа как раз закончит.

Вера стояла в дверях с булавкой в руке. На ней была серая футболка, которую Иван купил себе полтора года назад, недооценив собственный размер. Она дала ему полгода на исправление ошибки, потом ушила футболку и забрала. Теперь на груди красовалась маленькая вышитая груша вместо надписи, смысл которой ни один из них не успел выяснить.

На стуле дожидалась застёжки грязно-белая шуба с красной подкладкой — заказ из театра. В ней актёр должен был превращаться из волка в старуху, а прежняя молния позволяла ему превратиться только в волка с застрявшей рукой. Костюм требовалось сдать к вечеру. Вера подошла к плите, заглянула через Иваново плечо и попросила поджаренный край. Он охотно поверил, что край ей действительно нравится.

У них обоих были утренние привычки, позволявшие не договариваться о каждой мелочи. Вера оставляла ему последнюю ложку кофе, даже если из-за этого её собственная чашка получалась слабее; он выносил из прихожей пакеты с тканью, которые она обещала разобрать ещё в пятницу. Иногда такая взаимная уступчивость давала сбой. Недавно он убрал её пакет вместе с мусором и полчаса искал на дне бака мешочек с застёжками. Вера стояла рядом, держала фонарик и не произнесла ни одного упрёка, что оказалось гораздо хуже упрёков. Застёжки нашлись. Теперь на её пакетах были записки.

Маша предложила состарить заодно маму. Вера велела тренироваться на папе, чем вызвала у дочери возражение: папа уже старый. Обе засмеялись, и Иван пожалел, что держит в руке чужой телефон. Свет падал Вере на щёку, волосы ещё не были стянуты в рабочий узел, одна прядь прилипла к губе. Она убрала её обратной стороной ладони, чтобы не уколоться булавкой. Он знал это движение так хорошо, что мог представить его, не глядя на неё.

Попросить её задержаться для снимка означало всё испортить. Сама она фотографировалась редко, но домашние кадры разрешала. У Ивана хранились сотни таких снимков, а некоторые Вера просила прислать себе — обычно те, где Маша получалась смешной и вскоре требовала немедленно всё стереть. Запрет относился к публикациям. На странице Вериной мастерской можно было увидеть рукава, воротники, старое кружево до и после чистки, собственные её руки. Лица там не было.

Первые годы Иван пытался убедить жену, что это вредит работе. Людям хочется знать, кому они отдают вещь; хорошие руки принадлежат хорошему человеку, почему его нельзя показать? Вера в ответ предлагала ему обметать триста петель, пока она будет хорошим человеком в интернете. Спор кончался. Со временем он перестал его затевать, хотя по-прежнему

считал, что жене просто трудно привыкнуть к чужому вниманию. Её прежняя жизнь, насколько он знал, редко давала повод ему доверять.

До школы оставалось двадцать минут. Маша уже забыла о старении и объясняла, во сколько её надо забрать: в четыре, а не в четыре пятнадцать, потому что старух отпускают раньше танцоров. Иван начал возражать по памяти, но Вера придвинула к нему календарь. В клетке понедельника его собственным почерком было дважды подчёркнуто «МАША 16:00». На обороте значилось: «Клей».

Он сфотографировал обе стороны и выключил плиту. Второй омлет пришлось выбросить, пока дочь искала сменную обувь.

В студию Иван пришёл в девять. Над входом всё ещё можно было разобрать следы букв «ФОТО», снятых прежним арендатором. Олег предлагал восстановить надпись, приписав мелко «в том числе», но пока они обходились выносной табличкой: срочная печать, оцифровка, ремонт техники. Последнее выражалось словом «ПОЧИНИМ!» с красным восклицательным знаком, который, по мнению Ивана, делал слишком много обещаний за двоих.

Ночью вымыли крыльцо. Вода затекла под коврик, и дверь опять задевала его нижним краем. Иван подпёр открытую дверь деревянным клином, свернул коврик и прислонил к стене. Из комнаты донеслось предложение снять наконец нормальное помещение. Олег всякий раз говорил это, когда Иван возился у входа, и всякий раз забывал, как только заходил разговор об аренде.

Сам он сидел над вскрытым принтером. Пластиковые детали заняли почти весь стол; Олег придерживал локтем сдвинутую к краю клавиатуру, чтобы та не упала. Иван понял: ремонт длится давно и складывается неудачно. Дубровские кассеты стояли у стеллажа. Их привёз обычный курьер, в накладной расписался Олег; к крышке Галина приклеила опись. Она писала так, будто платила за каждый квадратный сантиметр бумаги, но разобрать можно было всё. Двадцать две кассеты, семь без названий. На одной слово «Праздник» зачеркнули и заменили ещё более точным «Разное».

Сначала Иван закончил чужую свадьбу. Заказчица просила вырезать первого мужа, сохранив саму свадьбу, и он уже два дня пытался совместить эти пожелания. Получалось торжество, на котором женщина в белом платье с необыкновенной настойчивостью протягивала руку кому-то за пределами кадра. Он отправил пробный вариант и взял первую дубровскую кассету.

Работа с семейными записями мало походила на то, как люди представляли себе возвращение памяти. Большую часть дня Иван смотрел на потолки, чужие спины и пальцы, закрывающие объектив. Искать приходилось терпеливо. Несколько лет назад пожилой заказчик велел оставить двадцать секунд пустой кухни: за кадром кашлянула его жена. Иван сначала собирался вырезать этот кусок. После того случая он просматривал даже то, что явно не получилось у оператора, и любил рассказывать новым клиентам, зачем им нужен полный исходник.

На экране появилась синяя полоса, затем потолок с пятнами. Камеру долго настраивали. Кто-то кашлянул прямо в микрофон; изображение опустилось и показало стол с бумажными цветами, ряд стульев и женщин возле швейных машин. Иван оставил захват, открыл счёт и время от времени возвращал взгляд на монитор. Благодарили город. Говорили о заказе. Девушки по одной выходили из-за стола, брали тонкие папки и становились возле мужчины в светлом пиджаке. Мужчина терпеливо поворачивался к объективу, даже когда оператор задерживался.

— Василиса Мальцева, — произнёс женский голос.

Иван поднял глаза из-за скрежета стула, который в наушниках получился болезненно громким. Девушка шла к мужчине, придерживая локтем стопку папок. Одну уронила, нагнулась и, прежде чем выпрямиться, убрала волосы со рта обратной стороной ладони.

Он перестал заполнять счёт.

Камера приблизила её. Короткие волосы, очень тонкая шея, тёмная кофта, которой он никогда не видел. Мужчина взял её за локоть и немного повернул к объективу. Она не отстранилась. Наоборот, наклонилась к нему и что-то сказала почти у самого уха, а затем обернулась к девушке слева и показала язык. Та рассмеялась.

Это была Вера.

Иван отмотал назад, хотя уже не сомневался. Узнавание оказалось неприятно телесным: он помнил эту приподнятую бровь, наклон головы, то, как она придерживала вещи локтем, когда не хватало рук. Только движения принадлежали сейчас какой-то другой обстановке. Чужому столу. Мужчине, к которому она придвинулась так близко, словно между ними не было ничего требующего объяснений.

Он позвал Олега. Тот подошёл с отвёрткой, сразу согласился, что на экране Вера, и спросил, разве она из Дубровска. Иван не сумел ответить. Вера рассказывала про маленький город и общежитие, где на общей кухне нельзя было оставлять кастрюлю. Про женщину, научившую её кроить по старой вещи, когда нет выкройки. Название города за одиннадцать лет вполне могло прозвучать, а он мог его забыть. Нельзя же помнить каждое слово человека, с которым живёшь.

Имя было труднее объяснить. На замечание о Василисе Олег рассказал, что его мать двадцать лет зовут на работе Алевтиной, хотя она Валентина: в первый день постеснялась поправить, а дальше стало неловко. Другую фамилию он вообще не счёл поводом для удивления.

— Она же замуж за тебя не родилась.

Олег вернулся к принтеру. Иван снял наушники. Над потолком ходили покупатели детского обувного: несколько лёгких шагов, остановка, потом осторожные тяжёлые шаги взрослого. Нужно было проверить размер, прежде чем покупать.

Прежнюю фамилию жены он знал. Черных. Они вместе заполняли документы. Василиса Мальцева там ни разу не встречалась, и он вдруг почувствовал нелепое желание достать свидетельство о браке, как будто запись на экране могла что-то изменить в нём.

Вера не взяла трубку, но почти сразу написала: «На примерке. Всё нормально?» Он ответил, что нашёл интересное. Хотел приложить кадр, затем передумал. На телефоне она увидит зернистое лицо и обрезанный стол; лучше подготовить фрагмент и показать вечером на большом экране. Сюрприз позволял отложить и вопрос об имени. Спросить его сейчас означало признать, что Иван не столько обрадовался находке, сколько почувствовал себя посторонним.

«Потом расскажешь», — написала она.

Он вернулся к записи. Рядом с молодой Верой сидела светловолосая девушка с крупными серьгами. Она что-то шепнула ей, обе засмеялись. Смех заглушали колонки, зато по лицам было ясно, что повод хороший и взрослым его лучше не объяснять. Иван вспомнил, как мало у Веры старых снимков: несколько детских, школьный класс, ещё два — уже из Реченска. Остальное, по её словам, потерялось при переездах. На его предложения поискать она отвечала, что искать нечего.

Но вот же оно было. Не общежитие с чужой кастрюлей, не тяжёлая работа, о которой она рассказывала без имён. Подруга, смех, глупость перед камерой. Он поставил метку и назвал фрагмент «Вера. Молодая».

* * *

Галина не взяла трубку ни с первого, ни со второго раза. Иван оставил ей сообщение с номером кассеты и спросил, что за мастерская. На коробке значилось «День открытых дверей. 2011»; сзади кто-то нарисовал карандашом прямоугольник с двумя колёсами. Автобус или стол, который собирались куда-то перевезти. По опыту Иван знал, что авторы подобных пометок уверены в своей вечной памяти и через год понимают их не лучше посторонних.

Он просмотрел ещё десять минут. Название «Берег» прозвучало дважды. Мужчину в светлом пиджаке поблагодарили за заботу, но фамилию заглушил хлопок: оператор задел мик-

рофон. Позже, когда начали убирать со стола, тот же мужчина принял несколько тёмных книжечек, сложил их в прозрачную коробку и попросил: «До расчёта оставьте у меня». Иван решил, что праздник закончился и снова пошла рабочая часть. Для домашнего ролика он приблизил лица; коробка вместе с краем стола ушла за границу изображения.

Он мог дождаться Галины. Мог вечером спросить Веру. Вместо этого открыл краеведческую группу Дубровска, где оказалось чуть больше восьми тысяч участников и множество благополучно разрешённых загадок.

Он прочитал историю о мальчике на фотографии семидесятых годов. За ночь набралось одиннадцать комментариев; мальчика нашли, теперь он жил в Перми, разводил овчарок и был очень рад. Ниже опознавали тренера школьной команды. Ещё ниже спорили о булочной. Здесь люди получали удовольствие от совпадений, и Иван чувствовал себя среди них уверенно. Его собственная работа состояла примерно в том же.

Можно было спросить только про «Берег», но ему уже хотелось найти девушку слева. Она наверняка помнила Веру другой. Рассказала бы то, о чём сама Вера могла забыть. У него ведь были такие знакомые: люди, с которыми годами не общаешься, а потом встречаешь и сразу узнаёшь свой прежний смех. Он выбрал кадр, где обе девушки повернулись к камере.

Текст сочинился быстро: «Добрый день! Разбираем старые записи. Подскажите, кто работал в мастерской “Берег” в 2011 году? Девушка справа — моя жена Вера, на записи её называют Василисой. Хотим найти её подругу слева и других знакомых».

На слове «хотим» Иван остановился. Вера пока ничего не хотела и даже не знала о находке. Он убрал последнюю фразу, заменил её на «Буду благодарен за помощь» и перечитал. Так было честнее. Оставалось неприятное ощущение, что её запрет относился и к этому случаю, но запись всё-таки была архивной, с открытого мероприятия. Он не выкладывал домашнюю фотографию. Узнать молодую девушку мог главным образом тот, кто уже знал её тогда.

В 12:47 он нажал «Опубликовать».

Почти сразу появилась первая реакция — сердечко от женщины с рассадой и двумя маленькими собаками на странице. Затем написали, что хорошие были времена, и спросили, не на Текстильной ли находилась мастерская. Иван ответил, что адреса не знает. Он несколько раз проверил, не пришло ли сообщение от Галины, потом вернулся к работе.

В четыре забрал Машу. Купил клей, который она признала неправильным, и ещё один, правильный. По дороге выяснилось, что старуха должна петь, хотя дочери обещали только сидеть и ругаться. Иван выслушал историю о несправедливости распределения ролей и разрешил пока никому ничего не обещать. Сам проверял телефон на каждом переходе. К пяти под снимком было семнадцать комментариев, и в одном наконец появилось имя: «Девушка слева — Лида».

Он поблагодарил и спросил фамилию.

* * *

Вера вернулась в половине седьмого с пустым чехлом от костюма и пакетом слив. Маша встретила её сообщением, что папа выбросил омлет, а сделал вид, будто съел. Разоблачение не произвело на Веру впечатления. Она поцеловала дочь в макушку, отдала ей пакет и позволила Ивану снять с плеча ремень сумки.

Потом опёрлась лбом ему в грудь. Так она иногда стояла после работы — секунд десять, не обнимая, просто передавая часть своего веса. Иван положил ладонь ей на затылок. От волос пахло улицей и чуть-чуть утюгом, тем влажным теплом, которое оставалось на ткани после отпаривания. Выяснилось, что у волка талия оказалась ниже, чем им сообщили, и застёжку пришлось переставлять. Он выразил сочувствие, Вера потребовала уточнить, кому именно, и пошла мыть руки.

Фрагмент уже был готов. Полторы минуты, нормальный звук, цвет без болотной зелени старой камеры. В конце Иван сохранил смех двух девушек: после чистки из гула удалось выта-

щить знакомое Верино фырканье. На это ушло больше времени, чем он рассчитывал, зато теперь находка выглядела подарком, ради которого стоило подождать до вечера.

Маша первой уселась перед ноутбуком и спросила, не её ли состарили. Иван сказал, что сейчас будет кое-кто молодой. Вера вернулась с полотенцем в руках, встала за дочериным стулом. Он нажал воспроизведение.

На экране мужчина протянул папку. Маша узнала мать раньше, чем прозвучало имя, и радостно повернулась к ней. Вера не ответила. Иван ждал привычной паузы: заказчики почти всегда сначала молчали, потом замечали одежду, собственного отца на заднем плане или старую мебель. Он умел ждать. Только Вера смотрела не на себя. Её взгляд оставался у края экрана, где стоял мужчина в светлом пиджаке.

— Откуда это?

Он начал рассказывать о кассетах. Двадцать две штуки, Галина Серебрякова, культурный центр Дубровска; помнишь, я тебе говорил? Вера попросила остановить. Голос был тихим, но он сразу нажал паузу. Маша уже собиралась спросить об имени, и мать отправила её за библиотечной книжкой в сумке.

Пока дочь расстёгивала молнию в прихожей, Вера выяснила, кто видел запись. Олегу он показал её утром. Ещё выложил кадр в группу — хотел найти подругу, девушку слева. Кажется, Лида. Он произнёс это имя с остатком утреннего удовольствия, рассчитывая, что сейчас хоть что-нибудь станет понятно им обоим.

Вера положила полотенце на стол, расправила подвернувшийся край и села на освободившийся Машин стул.

— Удали.

— Конечно. Я просто хотел…

— Сейчас.

Телефон оказался у него в руке. Сначала открылось не то приложение, потом он попал в сообщения. Вера смотрела, как он ищет публикацию, и от этого знакомые движения стали неуклюжими. Под фотографией было уже двадцать три комментария. Когда жена уточнила, что нужно убрать саму запись, а не скрыть её из своей ленты, он ответил резче, чем собирался:

— Я знаю, как удалить.

Она замолчала. Ивану стало стыдно, и он нажал подтверждение, не дочитав очередной вопрос. Вера взяла у него телефон, обновила страницу, затем проверила профиль и ещё раз открыла группу. Она не доверяла ему даже в том, что он делал каждый день на работе. Или доверяла его умению, но не тому, как он им распорядится. Вторая мысль была неприятнее, и он постарался от неё отделаться.

Маша вернулась с книжкой и объявила, что это продолжение, а первую часть они не читали. Никто не отозвался, и она повторила. Вера велела пока идти в комнату. Девочка посмотрела на отца, ожидая помощи в таком простом вопросе, но он только кивнул. Тогда она забрала со стола две сливы и ушла без дальнейших объяснений.

— Я не знал, что так нельзя, — сказал Иван.

По лицу Веры стало ясно, что эту фразу придётся исправить.

— Что настолько нельзя.

Она спросила, как именно он её подписал. Иван повторил почти весь текст: моя жена Вера, на записи Василиса, буду благодарен за помощь. Домашнего адреса там не было. Он даже обрадовался возможности сообщить что-то несомненно правильное, пока жена не напомнила о студии, указанной в его профиле.

Иван посмотрел на закрытый ноутбук. Он не мог вспомнить, когда успел опустить крышку, и только потом понял, что это сделала Вера. Ей нужно было знать, отвечал ли он кому-нибудь лично, пересылал ли файл, сколько времени снимок оставался доступным. Он перечислил комментарии, которые помнил: Текстильная, хорошие времена, имя Лиды. На вопрос

об авторах пообещал посмотреть и тут же вспомнил, что смотреть уже некуда. Всё удалилось вместе с публикацией.

Вера подошла к окну и опустила жалюзи. Во дворе мальчики катались на самокатах, сосед вытряхивал коврик из машины; Иван видел их между планками. Она не выглядывала наружу. Просто закрыла окно от чужих глаз и вернулась к столу.

Он хотел спросить сразу о многом. Кто мужчина? Почему другое имя? Что произошло в мастерской? Но главным почему-то стало то, как легко молодая Вера наклонилась к чужому уху, и Ивану было неловко даже перед собой, что именно эту подробность он выбирает сейчас из всей записи. Там могли быть люди, которых она ненавидела. Там мог быть человек, которого она любила. Оба объяснения оставляли его за пределами жизни, о существовании которой он узнал несколько часов назад.

— Что случилось? — спросил он наконец. — Кто он?

Вера снова попросила сказать, сколько часов фотография была открыта. Иван сверился со временем: двенадцать сорок семь, сейчас без пяти семь. Около шести часов. Она кивнула, будто нужно было занести число в какую-то расчётную таблицу, и велела больше не писать людям, которые узнают её на записи. Не пересылать файл. Если кто-нибудь обратится — показать ей сообщение, прежде чем отвечать.

Он согласился. Ему казалось, что после этого соглашения она тоже должна сделать шаг навстречу, хотя бы назвать человека. Вера положила ладонь на ноутбук, потом посмотрела в сторону Машиной комнаты.

— Я хотела тебе рассказать сама. Не сейчас. Дай мне до утра.

Из комнаты донёсся звук перелистываемых страниц. Маша всё-таки начала вторую часть. Иван подумал, что нужно зайти, посидеть с ней, объяснить, почему её отослали. Вечер ещё можно было исправить. Поговорить спокойно, показать жене, что он на её стороне. Он уже собирался произнести что-нибудь обнадёживающее, когда телефон коротко дрогнул.

Написал человек, которого не было в списке его друзей.

«Вы удалили фото. Она попросила?»

Глава 3. Второй экземпляр

Принтер заработал в семь двенадцать.

Олег помнил точное время, потому что в семь десять пообещал себе оставить эту дрянь до завтра. Потом полез под стол за упавшим колпачком и нашёл пружину, которой не хватало для сборки. Через две минуты машина выдала идеальный пробный отпечаток. Выяснилось, что большую часть вечера он ремонтировал собственную невнимательность.

Теперь следовало закрыть крышку и уйти, пока устройство не передумало. Вместо этого Олег сфотографировал лист. Иногда ему требовалось доказательство, что хотя бы раз всё получилось. В двадцать восемь лет он жил на деньги от занятий, которые его мать продолжала называть временными, и ни один из их телефонных разговоров не обходился без предложения найти нормальное место. Фотография исправного принтера вряд ли убедила бы её, зато самого Олега вполне устраивала. Когда вещь начинала работать, ему на какое-то время становилось всё равно, сколько она стоила и зачем понадобилась владельцу.

Дверь задела подсохший коврик, и он поднял голову. Мужчина в тёмно-синей ветровке остановился у входа, спросил, не поздно ли. В руках у него не было ни пакета, ни коробки с очередным прибором, который вчера ещё работал. Требовалось всего лишь напечатать два листа с телефона, можно чёрно-белых. После сегодняшнего ремонта Олегу это показалось почти отдыхом.

Он повернул к посетителю табличку с адресом почты и стал собирать отвёртки. Мужчина набирал адрес медленно, одним пальцем. Несколько раз проверил правый карман, потом вынул оттуда очки и довёл дело до конца. Олег терпеливо ждал. Он любил клиентов, у которых достаточно уверенности, чтобы признаться, что они чего-то не умеют. Куда хуже было, когда человек молча пересылал файл жене, жена пересылала сыну, а сын присылал в студию раздражённое сообщение без самого файла.

Письмо пришло без темы. На прикреплённой картинке Олег узнал утренний кадр Ивана: две девушки, край стола, мужчина в светлом пиджаке. Только здесь была снята вся страница — название группы, подпись, комментарии. Он предложил увеличить фотографию и вынести текст отдельно: иначе лицо получится слишком мелким.

— Нет. Как есть, — сказал посетитель. — Чтобы читалось.

Олег пожал плечами и отправил на печать. Принтер втянул лист без единого возражения. От этого хорошего звука ему захотелось поговорить с человеком, и он спросил, не из Дубровска ли тот тоже. На осторожное «Почему тоже?» с удовольствием показал коробки у стеллажа. Записи приехали оттуда, они их сейчас делают. Иван сегодня жену нашёл и чуть со стула не упал.

Посетитель посмотрел на кассеты, но подходить не стал. Сказал, что увидел знакомую в объявлении, и спросил об Иване. Олег сообщил, что напарник уже ушёл: обычно они работают до семи. Завтра будет с девяти, иногда позже — отвозит ребёнка. Всё это было обычным объяснением для клиента. Он повторял его несколько раз в неделю и чаще жалел о том, что не может обещать точное время.

Мужчина поднёс отпечаток к свету. Лицо Веры заняло на листе едва ли больше почтовой марки; он почти не задержался на нём, зато внимательно прочёл подпись и нижние строки. Затем попросил второй экземпляр, такой же. Олег раньше понял, что файлов будет два, но исправить ошибку было легко. Пока печатался второй лист, посетитель снял очки и убрал их в карман, проверив молнию.

— Человек живёт совсем рядом, — произнёс он, как будто всё ещё удивлялся.

Олег едва не рассказал про одноклассника, которого считал навсегда уехавшим и однажды обнаружил продавцом через две улицы от дома. Они поговорили десять минут и с тех

пор снова не встречались. Он уже приготовился назвать магазин, но мужчина заметил визитки на стойке, и разговор сам повернул к работе.

Среди их карточек и рекламы обувного лежали несколько Вериных. Она оставила их зимой, когда в студию зачастили люди с костюмами для фотосъёмок. «Ремонт и подгонка одежды. Театральный текстиль». Имя, телефон, адрес мастерской, маленькие ножницы. Олег сам делал макет и до сих пор считал, что ножницы следовало увеличить. Вера сказала, что при его варианте получится парикмахерская, и больше он не спорил.

Мужчина взял карточку и уточнил, та ли это Вера. Олег подтвердил, заодно предупредил, что завтра она приходит после десяти. Работает отлично, но слово «срочно» лучше не употреблять.

— Раньше любила, — сказал посетитель.

Олег поднял глаза. Фраза прозвучала так, будто они уже начали другой разговор, а он пропустил начало. Но мужчина достал деньги, и дальше снова всё стало обыкновенным: цена, оплата без сдачи, отказ от чека, потом просьба всё-таки дать чек. Два листа он сложил пополам, точно совместив углы, визитку убрал между ними.

У двери Олег спросил, как его зовут, чтобы передать Ивану. Мужчина назвался Петром и сказал, что зайдёт завтра. Коврик опять попал под нижний край; Олег поднялся помочь, но Пётр упёрся в него носком ботинка и открыл дверь сам, не дёргая ручку.

Олег проводил его взглядом, потом вернулся к столу. У принтера оставались две маленькие шайбы. Устройство работало, поэтому он решил пока не считать их своей проблемой. Всё же положил в отдельный пакет и подписал дату.

* * *

Ивану следовало сообщить про посетителя. Олег набрал: «По твоему фото уже люди приходят», приложил картинку из письма и отправил. Напарник не читал. Обычно по вечерам он отвечал долго: то помогал Маше с уроками, то объяснял заказчику, почему нельзя открыть ссылку на телевизоре, то просто не замечал телефон. Олег закрыл переписку и вернулся в дубровскую группу. Хотел посмотреть, нашли ли светловолосую девушку.

Публикации не было.

Он поискал по имени Ивана, затем по слову «Берег», пролистал сегодняшние записи. Церковь, школьные выпускники, потерянная кошка — всё стояло на прежнем месте. Фотография исчезла. Скорее всего, попросила Вера. Она не любила показываться, и Олег однажды уже убирал её из рекламы, которую сам считал удачной: порванный рукав, целый рукав, улыбка мастера. После удаления улыбки ролик стал хуже, но заказов всё равно принёс достаточно. Он тогда решил, что спорить с ней из-за пяти секунд было бы глупо.

Сейчас открытая на компьютере картинка выглядела иначе, чем пятнадцать минут назад. Олег приблизил её. Верхнюю полосу с часами и названием телефона обрезали; имя Ивана, подпись про жену и ссылку на профиль оставили целиком. Фотография занимала меньше половины листа. Для человека, который узнал старую знакомую, Пётр странно мало интересовался тем, чтобы разглядеть её лучше.

Впрочем, он ведь и так узнал. Олег поймал себя на том, что придумывает объяснения за клиента, который уже ушёл. Посетитель не торопил, не угрожал, заплатил. У него имелось ровно столько причин печатать страницу, сколько у любого другого. Неприятное чувство возникло из-за удалённой публикации, а кто её удалил и почему, Олег пока не знал.

Он набрал второе сообщение: «Ты убрал пост? Тут человек сохранил. Назвался Петром. Взял Верину карточку».

На этот раз ждать ответа не стал и позвонил.

Иван ответил после третьего гудка, тихо сказал, что сейчас не может. Олег успел произнести главное: заходил мужчина по фотографии, распечатал два экземпляра. На том конце

что-то зашуршало, и напарник, кажется, вышел из комнаты. Голос стал глуше. Он попросил описать посетителя.

Олег сообщил про возраст — под пятьдесят, — ветровку и очки. Пересказал просьбу, упомянул завтрашний визит. Время от времени он ждал, что Иван перебьёт, скажет, кто это был, или хотя бы объяснит удаление фотографии. Но тот слушал, а потом спросил только о визитке.

— Рабочую, — сказал Олег. — Со стойки. Адрес там и так написан. Я только сказал, что после десяти.

Договорив, он понял, как это прозвучало. До этой минуты оправдываться было не за что. Олег посмотрел на оставшиеся карточки и пересчитал: семь. Иван молчал, где-то рядом с ним говорила Вера, но разобрать слова не удалось.

— Больше никому ничего не говори, — попросил напарник. — Ладно?

Олег согласился и спросил, что случилось. В ответ услышал «потом». Разговор закончился, а он ещё некоторое время держал телефон возле уха. В студии стало слышно, как принтер остывает после работы.

Олег собрал семь карточек и убрал в ящик под столом. Раньше он как раз сердился, что люди не замечают их на стойке. Теперь визитки лежали лицом вниз среди чеков и запасных лезвий.

Глава 4. До четверга

На кухне пахло кашей, и сначала Иван решил, что проспал.

По вторникам завтрак готовила Вера. Они не составляли графика: просто она выходила позже, а ему нужно было отвезти Машу и успеть к девяти в студию. Тревожило только то, что он не слышал воды в ванной и привычного Вериного разговора с дочерью через открытую дверь. В эти ранние часы они обсуждали вещи, которые к завтраку уже переставали иметь значение. Чья куртка похожа на персик. Какую собаку видели вчера возле школы. Иван иногда слушал их, не открывая глаз, и позволял себе ещё пять минут.

На часах было семь ноль пять. Он проснулся вовремя. Верино место пустовало, простыню подтянули к подушке — так она делала, когда собиралась ещё прилечь после их ухода. Он потянулся к телефону, надеясь увидеть обычное сообщение про молоко или просьбу забрать заказ. Новых сообщений не было.

Последним по-прежнему стояло вчерашнее: «Она попросила?» Иван тогда сразу набрал: «Вы кто?» Но, прежде чем отправить, показал экран Вере, как обещал. Она попросила не отвечать: он ведь не знает, кто пишет и чего хочет. Велела сохранить снимок экрана. Иван стёр свой вопрос. Он рассчитывал, что утром Вера всё объяснит и они вместе решат, что делать с этим человеком. Потом позвонил Олег и рассказал о посетителе. Узнала ли Вера Петра по имени, Иван так и не понял. Она сказала, что не уверена, своим ли именем тот назвался, и принялась убирать со стола. Ножницы отправились в чехол, чехол в коробку, полотенце на сушилку. Иван ходил за ней из комнаты в комнату, потому что оставаться на месте значило согласиться: разговора больше не будет.

Он предложил вызвать полицию. Вера остановилась у совершенно чистой плиты, которую собиралась протереть, и спросила, за что. Ответа у него не нашлось. Незнакомый мужчина распечатал фотографию, взял общедоступную визитку. Сообщение было неприятным, но они даже не знали, от него ли оно. Иван мог сказать, что жена испугалась. Мог сообщить, что на записи её называют другим именем. Неужели он собирался предъявить это как обвинение ей самой?

Когда Вера попросила уложить Машу, он обрадовался понятному поручению. Дочь читала вторую часть книги и возмущалась, что автор всё время ссылается на события первой. Он предложил утром узнать в школьной библиотеке. Она уснула, не закончив объяснять, почему это не выход.

Позже они с Верой долго лежали каждый на своей стороне. Иван хотел обнять её, но положение её рук — ладони на животе, локти близко к телу — заставляло медлить. Он привык понимать её без слов хотя бы в этом. Кому нужно придвинуться, кто ещё сердится, чья очередь мириться. Вчера привычка подвела. Когда Вера сама нашла его руку под одеялом, он сжал пальцы слишком сильно и сразу ослабил хватку. Она не отняла ладонь. Он решил, что утром всё-таки поговорят, и с этим решением уснул.

Теперь спальня была пустой, в ванной не горел свет. Иван прошёл на кухню и увидел кастрюлю на выключенной плите. У Машиной чашки стоял контейнер с двумя бутербродами, на спинке стула висел кардиган с зашитым локтем. Дырку он вчера не заметил. Видимо, Вера занималась им после того, как они легли.

Он позвал её, заглянул на балкон. Там лежала подкладка от чужого пиджака, прижатая коробкой ниток. Всё оставалось на своих местах, и отсутствие жены ещё умещалось в простое объяснение: магазин, мусорный бак, соседка на площадке. Вера могла сходить за молоком, которое они вчера не купили. Обычно на это уходило семь минут. Ивану требовалось дольше — он успевал отвлечься на новый соус, встретить знакомого и только у кассы вспомнить, зачем пришёл.

Но тёмной куртки в прихожей не было, и сумку Вера тоже взяла. Записку он обнаружил, вернувшись к плите. Лист лежал под его чашкой; из-под дна выступал угол. Иван поднял чашку, задел ею шкафчик и только после этого заметил, что она пустая.

«Ваня. Я уехала сама. Со мной сейчас всё в порядке. Позови, пожалуйста, свою маму, чтобы не оставаться с Машей одному. До четверга я свяжусь с тобой. Не ищи меня через людей с записи и ничего больше не выкладывай. Это важно. Маше скажи, что мне понадобилось уехать по делу. Я ей позвоню. Прости, что не смогла объяснить ночью».

Почерк был Верин, только буквы теснились к концу строк. Она оторвала лист из блокнота у холодильника. Сверху остался продавленный след предыдущей записи, что-то вроде «лампа» или «лапша». Иван провёл по нему пальцем и попытался разобрать, хотя следовало читать то, что жена написала ему сегодня.

Он прочитал второй раз. От знакомых поручений становилось хуже. Она предусмотрела утро, в котором самой её не будет, и распределила дела между людьми, не знавшими, что такое утро наступит.

Ему захотелось обидеться. Это чувство было простым и почти пригодным для действия: можно было позвонить и спросить, почему она решила, что он не справится с собственным ребёнком. Потом он вспомнил, что не знает, куда она уехала, и обида потеряла удобство. Мать нужна была ему не для каши и не для причёски Маши. Вера, вероятно, это понимала раньше него.

Иван набрал её номер.

Знакомая мелодия донеслась из спальни. Он стоял с телефоном возле уха и слушал её в двух местах сразу — из динамика и из-за стены. Несколько секунд ничего не предпринимал, словно звонок мог закончиться ответом, если не мешать.

Телефон лежал на Верином столике, подключённый к зарядке. На экране светилось его имя и фотография, сделанная Машей прошлым летом: он держал две тарелки арбуза и смотрел в сторону. Вера любила этот кадр, говорила, что на нём он на себя похож. Иван сбросил вызов. Под именем осталась отметка о пропущенном, а наверху — девяносто девять процентов заряда.

Телефоны забывают. Вера тоже забывала вещи. Однажды ушла в его кроссовках, потому что оба поставили чёрную обувь у двери, а она собиралась затемно. На полпути заметила, что ногам непривычно свободно. Они потом смеялись над этим весь вечер. Но сейчас Ивану не удавалось представить ту же рассеянность: записка лежала под чашкой, кардиган был зашит, бутерброды убраны в контейнер. Он смотрел на провод и всё больше склонялся к объяснению, которое не давало возможности просто догнать её у магазина.

Маша появилась в дверях с библиотечной книжкой. Одна щека покраснела от подушки. Она спросила, уже ли ушла мама, и Иван ответил утвердительно прежде, чем придумал продолжение. Пришлось сказать, что маме понадобилось уехать по делу. Куда именно, он пока не знает.

Дочь проснулась окончательно. Теперь она смотрела на него так внимательно, что любая добавленная подробность осталась бы у неё в памяти. Он мог предположить заказ в другом городе, поездку на два дня, случайно забытый телефон; каждое из объяснений выглядело правдоподобно, но ни за одно он не смог бы ответить вечером. Иван обещал узнать больше, когда они поговорят с мамой. На вопрос, вернётся ли она сегодня, сказал, что нет.

— Вы поругались?

— Нет.

Он ответил слишком быстро. Маша напомнила о вчерашнем вечере, и ему пришлось признать, что немного поругались. Он зачем-то добавил, что мама уехала не из-за неё.

— Я знаю, — сказала дочь. — Я ничего не делала.

Она протиснулась мимо него и положила книжку на Верин край кровати. Увидела телефон, сразу предложила отнести его маме, затем сама вспомнила, что отец не знает куда. Иван

не успел сказать ни слова. Маша посмотрела на телефон с таким недоумением, будто именно он испортил хорошее решение, и попросила оставить мамину чашку на месте. Мама могла приехать раньше, чем они думают.

Он согласился и отправил её умываться. Она ушла не сразу, задержалась возле двери, потом всё-таки понесла в ванную свою сонную обиду. Иван сел на кровать. Подушка пахла Вериным шампунем. Возле столика лежала катушка серой нитки; он поднял её, поставил рядом с телефоном и принялся составлять порядок звонков.

Сначала матери: она сможет побыть с Машей после школы. Потом Олегу. Потом Галине, которая знает, откуда приехали кассеты. В полицию тоже нужно сообщить, хотя он всё ещё не представлял, как рассказать о вчерашнем, не превратив его в историю семейной ссоры. Незнакомцу хотелось написать снова, но теперь Иван решил сначала показать его сообщение полиции. Записку следует сохранить. Пётр обещал прийти в студию — там можно с ним поговорить.

«Не ищи меня через людей с записи».

Иван задержался на этой строчке. Олега и Галины на старой кассете он не видел. Значит, звонить им можно.

Из ванной позвала Маша: порвалась резинка, хвост не держится. Иван ответил, что сейчас придёт, но остался сидеть. В памяти снова возникла вчерашняя рука под одеялом. Когда Вера нашла его пальцы, она уже могла знать, что утром её здесь не будет. Он принял это за обещание разговора. Что именно обещала она сама, оставалось неизвестным.

Дочь позвала ещё раз.

Иван вернул Верин телефон на столик, подключил провод и пошёл помогать дочери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.